

ПАВЕЛ ГНЕСЮК

ХОЛОД НАДЕЖДЫ

18+

Тарские легенды

Павел Гнесюк

Холод надежды

«Автор»

2020

Гнесюк П. Б.

Холод надежды / П. Б. Гнесюк — «Автор», 2020 — (Тарские легенды)

ISBN 978-5-532-99393-8

Никита в начале жизни получает жестокий удар судьбы, но попадает в окружение человека, открывающего перед смертью секрет о тайнике с золотом. Никита считает его подставили конкретные люди, поэтому мечтает о мести своим врагам. Один из них бизнесмен вынужденный похитить артефакт госпитальеров, но случайно узнает тайну. Погружаясь в историю госпитальеров, Никита узнает о предательстве друзей своего деда. Рыцарь жаждет вернуть артефакт, но киллер, подосланный бизнесменом, убивает его. Полиция идет по следу, бизнесмену приходится бежать в Лондон, там его настигает месть. Планы Никиты становятся известны его последнему врагу.

ISBN 978-5-532-99393-8

© Гнесюк П. Б., 2020

© Автор, 2020

Содержание

ГЛАВА 1. НАКАЗАНИЕ БЕЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	5
ГЛАВА 2. ИСПЫТАНИЕ ЗОЛОТОМ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Павел Гнесюк

Холод надежды

Долгие годы его согревала жажда мести, оказавшаяся холодной надеждой.

“В своих молитвах мы просим изменить обстоятельства, и почти никогда - себя.” Алистер Кук

ГЛАВА 1. НАКАЗАНИЕ БЕЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*“Чистосердечное признание
в несовершенных преступлениях
смягчает вину и увеличивает наказание!”
Дмитрий Емец*

Между двумя высокими берегами быстро катила свои воды полноводная река Тарка. Природа хороша своей неожиданностью, особенно для человека, оказавшегося случайно в окрестностях города Тарска, расположенного на левом берегу реки. По ходу течения за городом берег постепенно понижается, а река плавно поворачивает свое русло и перед ее изгибом машины по шоссе из города замедляют движение и въезжают на мост, соединяющий берега Тарки. За мостом изгиб русла идет по широкой дуге, а воды реки лениво разливаются, образуя залив, излюбленное место горожан, изобилующее песчаными пляжами, где расположились базы отдыха и пансионаты.

Я приехал из областного центра два дня назад, хотя наша первая встреча с Никитой состоялась вчера в двенадцать часов дня, накануне первой встречи мой хороший приятель уговорил меня выслушать одного примечательного человека с тяжелой судьбой. Мое согласие на серию встреч дало мне возможность отдыха в курортной части области, для этого я приехал на день раньше, заранее выбрал пансионат «Морской бриз», прогулялся по окрестностям курортной зоны.

Поглядывая по сторонам, я наслаждался горячим крепким эспрессо, с нетерпением ожидал собеседника, назначившим мне очередную встречу для продолжения диалога. Наши встречи, вообще-то с большой натяжкой, можно было бы назвать беседами, так как мой визави предпочитал форму монолога и с недовольством воспринимал вопросы, задаваемые мной для уточнения каких-то деталей.

– Привет, – мой собеседник, как вчера, появился неожиданно, в момент, когда я наблюдал за одинокой яхтой, словно ниоткуда появившейся в акватории Тарского залива.

– Здравствуй, Никита! – поприветствовал я долгожданного собеседника тоном полного радушия и, как вчера условились, общались по имени.

– Продолжим нашу беседу, – собеседник выдвинул кресло напротив меня и небрежно плюхнулся в него, подошедшей девушке официантке заказал пиво. – После вчерашнего срыва я корил себя, что-то вспыхнуло во мне от воспоминаний, но так как я сам инициатор игры на струнах моей души, то прошу простить мою несдержанность.

– Я снова в этом ресторане и готов выслушать продолжение вашей истории, – нейтрально среагировал я.

– Моя история началась в этом городе, – собираясь с мыслями, Никита опять вернулся к началу своего повествования, – мой беззаботный переход от детства к взрослой жизни, тре-

бующий ответственности, обернулся трагедией. На протяжении последующих долгих лет меня грела жажда вызревающей мести, оказавшейся, как я недавно понял, холодной надеждой.

Я молча внимал рассказу Никиты, мое выражение лица оставалось беспристрастным, на нем не было ни тени одобрения или отрицания услышанного. Моему собеседнику не требовалась оценка событий его жизни, так как в моем лице он видел только неподвзятую созерцателя.

Учебный 1985 год подходил к концу, еще несколько месяцев и трое друзей Александр, Тимофей и Никита закончат десятый класс школы, большой мир откроет перед ними широкий выбор путей во взрослую жизнь, а пока есть время, нужно готовиться к предстоящим экзаменам и сделать правильный выбор, пойти учиться или работать.

– Друзья, будущее за электронными вычислительными машинами, – выдвинул свою идею Никита. – Помните, мы в кино ходили про то, как в будущем ЭВМ будут управлять всем, заводским оборудованием, освещением и даже светофором, поэтому я поеду учиться в наш областной технологический институт.

– Никитос, ерунда твои ЭВМ, ты бы про роботов еще вспомнил, – рассмеялся Тимофей. – Я подумал, что ты, Никита, как твой отец, пойдешь в автодорожный институт.

Отец Никиты уже много лет возглавлял Тарское автотранспортное предприятие и отвечал за пассажирские и грузовые перевозки в городе. Горожане с благодарностью воспринимали надежность и регулярность маршрутов автобусов, а грузовой автопарк бесперебойно работал во благо городских предприятий.

Спор друзей затих на короткое время, Никита смотрел в окно школьного холла, с тоской наблюдая за грязным подтаявшим снегом. Тимофей подошел к другу, положил ему руку на плечо.

– Нет Никита, твои вычислительные машины меня не привлекают. – Тимофей также уставился на школьный двор, а потом поморщился, то ли от вида за окном, то ли от идеи Никиты куда пойти учиться. – Для себя я давно все решил, буду поступать на юридический факультет.

Отец Тимофея всю свою жизнь отдал службе в милиции и мечтал, что сын получит юридическое образование и продолжит милицейскую династию. Тимофею идея отца, подхватить передаваемую милицейскую ляжку, не особо нравилась, но поступление на юридический факультет, позволило бы получить должность юрисконсульта на производственном предприятии или прокурора, он одобрял.

Не сговариваясь, Тимофей и Никита обернулись, в нескольких метрах от них, возле стены стоял молчаливо Александр, погруженный в свои мысли.

– Сашка, а ты что молчишь! – Не сговариваясь, хором спросили своего друга Никита и Тимофей и рассмеялась.

Александр очнулся, как ото сна, улыбнулся друзьям и в вразвалочку подошел к ним.

– Сашка, что ты молчишь? – снова повторил свой вопрос Тимофей.

– А что говорить-то? – Не понял Александр своих друзей.

– Мы обсуждаем куда поступать будем! – Объяснил Никита, обращаясь к Тимофею, и рассмеялся.

– Слышишь, Тимоха, – наш друг так странно задумчив и отстранен, наверно влюбился.

– Это ты, Никитос, втюрился по уши в свою Ларку. – Захихикал Сашка, а потом серьезно заявил, – сегодня отец с каким-то важным областным начальником по телефону разговаривал, я случайно подслушал, когда в школу собирался.

Отец Александра работал председателем исполкома города, фактически управлял всем хлопотным хозяйством Тарска, несмотря на то, что муниципальные предприятия – водоканал,

жилищно-коммунальное управление, энергосбыт, благоустройство, дорожная служба и прочие, обязаны четко выполнять свой сектор работ, но область могла строго спросить именно с городского головы.

– Скоро в стране произойдут большие изменения, – после короткой паузы сообщил Александр, – это означает, что скоро, как в Америке у нас разрешат бизнес, поэтому я буду поступать только на экономический факультет.

Школьный звонок, как обычно зазвенел неожиданно, друзья направились в класс, им оставалось отучиться всего три месяца. В марте зима еще держалась, засыпая улицы города снегом, пугала морозцем, апрель порадовал первым ярким солнцем, от чего снег стал медленно сжиматься и чернеть, что ускоряло его таяние, а ручьи, звеня темной водой, вскоре извещали о скором приходе теплого мая. Вторая половина мая принесла друзьям новые хлопоты – выпускные экзамены, а в июне они могли сказать: "Прощай школа!".

Никита с Ларисой сидели на скамейке городского парка, страстные объятия и поцелуи чередовались разговором о мечтах совместной жизни. Чей-то лихой свист заставил их оторваться друг от друга. Никита поднял голову и увидел, подходящих к ним друзей – Александра и Тимофея.

– Привет, молодожены! – Улыбнулся Тимофей.

– Я Никите еще не жена, – надула от недовольства губки Лариса, – мы договорились, что поженимся только после первого курса института.

– Друзья, поздравьте меня, – продекламировал Сашка, – я студент первого курса экономического факультета университета.

– Так я тоже студент, – пробубнил Тимофей, – но только юридического факультета.

– Вообще-то, здесь все студенты, – тон недовольства не покидал Ларису.

– Это же здорово! Мечты реализовались, – прокричал Александр, – за то, что я сдержал обещание, мне отец жигули пятой модели подарил.

– Друзья, раз у нас есть колеса, то может устроим прощание с детством, – предложил Тимофей, – Сашка, сам-то как, не против?

– Я только за, – согласился Александр, – интересно, что скажет будущая ячейка общества?

Никита приобнял свою любимую девушку и с надеждой прищурился.

– Ларочка, так ты согласна на пикник?

– Никита, я не хочу ограничивать твое общение с друзьями, но пойду с тобой.

Тимофей подпрыгнул от радости и прокричал: "Ура! Прощай детство! ". Идея пикника была поддержана всеми и даже одобрена подружкой Никиты, поэтому друзья наперебой стали обсуждать, что купить и взять с собой на пикник.

В пятницу утром Никита с Ларисой договорились ждать друзей дома в квартире родителей Никиты, но желание праздника заставило покинуть душное помещение и направило парочку во двор. Скамейка с утра еще не была занята местными бабульками, поэтому жених с невестой ожидали Тимофея и Александра на улице. Когда к подъезду подкатила новенькая, ярко красная, сверкающая лаком машина, Никита только скользнула мечтательным взором по черным колесам и кузову, вновь повернулся к Ларисе. Водитель машины громко посигналил, передняя дверь пассажира распахнулась, из машины выскочил Тимоха.

– Эй, друзья, – прокричал Тимофей, – любовь вам глаза закрыла на внешний мир.

Никита остался сидеть на скамейке, он с улыбкой посматривал, то на Тимоху, то на машину. Лариса при звуке клаксона вздрогнула и удивилась, когда увидела Тимофея, выбравшегося из машины.

– Какая красивая, – Лариса соскочила со скамейки, подошла к машине, – как блестит на солнце.

Пока друзья разглядывали машину, из-за руля вылез Сашка, гордо сияющий, как медный таз, он обошел машину и, чтобы привлечь внимание к себе, похлопал рукой по капоту.

– Это мне отец подарил, я же пообещал ему, что поступлю в институт, – ребята с недоверием посмотрели на друга, – теперь мы на колесах и можем поехать куда захотим.

– Ларка, а наш Сашка теперь более завидный жених, – рассмеялся Тимоха, – он теперь и при машине, а пройдет год у него и квартира своя будет.

– Может тогда на речку, – предложила Лариса. – Лесть в адрес Сашки была ей очень неприятна.

Друзья стали обсуждать, куда лучше отправится на пикник, от пляжа, излюбленного места горожан, они отказались, так как хотели посидеть у костра. После короткого обсуждения решили поехать за мост, откуда начинался ленточный бор, берег реки, поросший травой, редкими деревьями и кустарниками плавно поднимался, открывая с высоты обзор на реку.

Пока Лариса с Никитой ждали друзей у подъезда, Сашка с Тимохой успели заехать в магазин, чтобы прикупить всякой снеди – хлеба, колбасы и прочего. Никита закинул в багажник пакет с едой, собранной Ларисой, и занял место рядом подружкой на заднем пассажирском ряду. Под ногами мешала какая-то сумка, он решил передвинуть ее, но в сумке что-то звякнуло.

– Что там за бутылки, – спросила Лариса, нагнулась, чтобы рассмотреть и неприязненно вздохнула, – парни, а водка нам зачем!

– Привыкай, ты, Ларка, теперь взрослая девочка, – громко рассмеялся Александр, а Тимофей поддержал шутку друга.

Со смехом Александр завел и плавно вывел машину на дорогу, выезжая на широкий городской проспект, водитель добавил скорости. Не прошло и получаса, как друзья покинули город, еще несколько поворотов и машина свернула на грунтовку. Медленно объезжая лужи и деревья, то и дело выскакивающие на лесную дорогу, Сашка выехал на большую поляну, с которой открывался замечательный вид на реку. С идеально горизонтальной поляны у кромки реки, берег уходил с плавным уклоном. С правой стороны от подъездной дороги на поляне располагалось старое кострище, а возле него лежало толстое бревно, на нем можно было расположиться у костра.

Призывы Ларисы к Никите не пить алкоголь не возымели никакого действия, он продолжал подливать себе портвейн, а после протянул стакан и Сашка налил ему водки. Какое-то дикое ощущение свободы не давало Никите возможности остановиться. После литра пива, полбутылки портвейна и стакана водки сознание Никиты поплыло, он оттолкнул от себя Ларку, шатаясь, встал с бревна, но прошел всего несколько шагов, зацепился ногой за какую-то ветку, упал на траву и заснул мертвецки пьяным сном, завернувшись в дурман алкоголя.

Лара потянулась к костру и прутиком выкатила из золы, запеченную картофелину. Спина Лары оголилась от задравшейся майки. Сидевший на траве Тимофей, пьяно икнул и решил с расстеленного покрывала взять соленый огурец. Сашка, сидевший правее Ларисы, уставился на ее голую спину, взял стакан с остатками водки, покрутил головой, увидел полупустую бутылку портвейна и долил перламутровой жидкости в этот стакан. Когда Лариса вновь ровно уселась на бревно, откусила кусочек от горячей картошки, Александр протянул ей стакан.

– Ларочка, выпей со мной, – Сашка схватил полупустую бутылку, – учеба займет все наше время, когда мы еще соберемся.

Лариса хотела отказаться, оглянулась в поисках Никиты, но тот мирно спал, сном пьяного человека, прижав свои руки к груди. В душе Ларисы вспыхнула злость, она с недоброй улыбкой взяла из руки Александра стакан, не подозревая какое гремучее снадобье ей предлагается, звякнула стаканом по бутылке, в несколько больших глотков выпила содержимое и закусила оставшейся картошкой.

Сколько прошло времени, Лариса не заметила, сначала ее охватила тоска, слезы закапали сами собой из глаз. Сашка стряхнул объедки в еле тлеющий костер.

– Ларочка, приляг, отдохни, – елейным голосом предложил Александр.

Лариса, еще не чувствуя опьянение, расчувствовалась от доброты друга и легла на покрывало.

– А как же ты, – погружаясь в сон, спросила Лариса.

– Не думай обо мне, – зевнул Сашка, – я рядом посижу.

Лариса заснула, от выпитого, в считанные минуты, Сашка лег рядом с девушкой и, обнимая, прижал ее к себе.

– Ох, Никита, как я тебя люблю, – пробормотала в пьяных сновидениях Лариса.

Лариса ощутила теплые губы, покрывающие ее лицо поцелуями, заторможено подставляла свои губы. Пьяный Александр, ошалевший от любовного угара, стянул с нее майку и стал сдергивать с вялого тела Ларисы спортивные штаны. Тимофей отстраненно наблюдал за Александром и часто икал, его мучила сильная изжога от выпитого, но головокружение не позволяло добраться до канистры с водой.

– Сашка, ты что творишь, – испуганно закричал Тимофей, хотел подняться оттолкнуть насильника, но перед глазами снова все поплыло, и он схватился за голову.

От крика Тимофея и, от накатившего холода, опьянение Ларисы мгновенно улетучилось. Ледяные острые пальцы шарили по сокровенным местам девушки, ее зрение прояснилось, она увидела над собой, обезумевшее лицо Александра.

– Оставь меня, гад, – завизжала Лариса, она постаралась согнуть колени и со всей силы ударила в грудь Александра.

– Ах, ты, дрянь, – Александр, отлетевший в сторону, потер рукой ушибленную грудь.

Александр снова приблизился к девушке и наотмашь ударил рукой по ее лицу, казалось, в парня вселился безумец, он несколько минут хлестал ее своими ручищами, не замечая, что девушка уже потеряла сознание. Александр занес в очередной раз над телом Ларисы руку, но неожиданно для самого себя остановился. Безумец разделся догола, сорвал с девушки белье и долго насиловал ее.

Тимофей наконец смог добраться до канистры с водой, а когда напился, то ощутил отсутствие головокружения, как будто части его головы снова объединились в единое целое. Тимофей услышал пыхтение за спиной, повернулся на этот шум и к своему ужасу увидел абсолютно голого Сашку, насиловавшего Ларису. Тимоха вскочил, пробежал несколько шагов и со всей силы пнул в зад своего друга.

– Ты что, с ума сошел, – прокричал Тимоха и за волосы оттащил Александра от неподвижной девушки.

Александр злобно взглянул на друга, собрал свою одежду и, молча натянул на себя. Глубоко дыша Александр подошел к Тимофею, сжатым кулаком врезал ему под дых, а когда тот согнулся от боли, нанес второй удар в челюсть.

– Я никому, никогда не позволю тебя бить, – проорал Александр в лицо Тимофею, присевшему на траву от второго удара. – Теперь твоя очередь показать мужика этой твари, иначе убью, – Александр схватил какую-то корягу и замахнулся на поверженного.

Тимофей захныкал, как ребенок, подполз к девушке и приспустил с себя штаны и трусы. По приказу своего друга Александра, Тимоха улегся на обездвиженную бывшую подругу, и со слезами насиловал ее пока не почувствовал под руками что-то скользкое и влажное. Тимоха поднес руки к своему лицу, с них капала темная кровь.

– А-а-а, – безумие теперь охватило и Тимофею, – это ты убил ее.

Александр посмотрел на одевающегося Тимофея, склонился над Ларисой, потрогал шею, пульса не было, он безразлично хмыкнул: "Мертва!", подошел к пошатывающемуся Тимофею,

дал ему пощечину и пригладил волосы на его голове. Александр направился к своей машине, завел ее и подъехал к самому краю поляны, где начинался плавный уклон к реке.

– Не трись, Тимоха, – осклабился Сашка, – потащили эту бабу в машину на пассажирское сиденье.

Когда девушку усадили в машину, Сашка наклонил спинку сиденья и застегнул тело девушки ремнем безопасности, чтобы труп сидел более ровно, а потом увидел трясущиеся перепачканные в крови руки Тимофея.

– Пойдем посмотрим, как там наш женишок, – опираясь на толстую сосновую ветку Александр направился к спящему Никите, а Тимоха, как собачонка потащился за хозяином, – давай вытри кровь со своих рук о ладони и одежду Никитоса. Теперь тащим его в машину за руль.

Тимофей послушно выполнял все распоряжения Александра. Последнее, что Тимоха выполнил, это измазал сосновую ветку в крови Ларисы и отбросил ее в сторону.

– Теперь, когда жених с невестой вместе, давай отправим их в вечность, – Александр дико заржал, а Тимофей, затравлено поглядывающий на друга, тихонько заскулил. – Не трись, Тимоха, – повторил свою фразу Александр, мы с тобой ничего не смогли сделать. Это Никитос сбрендил и убил свою невесту.

Александр подошел к распахнутой двери своей машины, Никита продолжал спать, смешно подергивая губами. Александр засунул руку в салон и зачем-то повернул ключ зажигания, а когда двигатель равномерно загудел, выкрикнул: "Помогай!" с усилием толкнул машину с поляны, захлопнул на ходу дверь, уклон позволил набрать скорость. Машина рухнула в воду, подхваченная сильным течением, поплыла по реке, все дальше и дальше, удаляясь от берега.

Машина не затонула, ее течением отнесло от берега метров на сто, в этот момент ее и заметил инспектор по маломерным судам, привычно, патрулирующий на катере вместе с напарником опасный участок реки. Инспектор, бывалый мужчина, много повидал на своем веку, но, когда разглядывал автомобиль, почувствовал, как сжалось сердце, когда увидел в салоне погибших молодых людей.

Инспектор зацепил багром машину и удерживал ее, пока напарник закреплял веревку, а потом они с трудом вытянули автомобиль к узкой песчаной отмели, как-то закрепили машину, чтобы снова не унесло течением, а потом по рации вызвал милицию.

Когда машина частично заполнилась водой, Никита ощутил сильный холод, но оцепенение не давало возможности повернуть голову, он не мог поднять руки или сдвинуть ноги, скорее всего тому была виной алкогольная интоксикация. Глаза Никиты были закрыты, но сквозь веки он с трудом различал солнечный свет, преодолев боль, он попытался приоткрыть глаза. Через лобовое стекло он увидел, что его тащит бурное течение реки, от ужаса неминуемой смерти Никита снова отключился.

Никита почувствовал, что движение остановилось, наверное, его вынесло на отмель, и попытался позвать на помощь.

– Фомич, – напарник позвал инспектора, когда расслышал стон из машины, – парнишка, похоже, жив.

– Я вызвал и скорую помощь, и милицию, а пока, пойдем посмотрим, что с парнем.

Прибывшая скорая помощь сразу же увезла Никиту в больницу. Патологоанатом с судмедэкспертом бегло осмотрели парня, взяли с него пробы крови и потом приступили к убитой девушке. Подобного происшествия в спокойном городе еще не происходило, следовательно сразу же предположил, что область возьмет дело под жесткий контроль. Следственной бригаде предстояло разобраться, что же произошло с молодыми людьми.

Иван Семенович Горелый проработал в милиции более двадцати лет, и четвертый год возглавлял Тарское городское управление внутренних дел. Как обычно, он с утра просматривал сводку происшествий по городу, трагедия с молодым парнем и девушкой мгновенно при-

влекла его внимание. Горелый поднял трубку селектора и приказал: "майора Алексеевна ко мне срочно!"

– Разрешите, товарищ подполковник, – в приоткрытую дверь проснулась голова майора Алексеева.

– Олег, доложи мне подробности по делу о машине, что выловили из Тарки.

– Иван Семенович, автомобиль, что вытащили инспектора ГИМС, принадлежит сыну председателя исполкома Тарска Савельеву Александру Владимировичу, а на водительском кресле был сын начальника Тарского АТП Григорьев Никита Сергеевич. – Майор замялся и потупил взгляд, по его лицу скользнула тень скорби.

– Олег, не тяни, – потребовал подполковник, – кто погибшая определились?

– На переднем пассажирском кресле была убитая Сарова Лариса Викторовна. – Майор помолчал несколько секунд, – она дочь заведующей нашей музыкальной школы. Девочку долго насиловали, избивали, а потом уже мертвую усадили в машину.

– Какой ужас, – со вздохом произнес Горелый, – дело ко мне на стол со всеми экспертизами.

– Экспертизы, как заявили наши спецы, будут только завтра, – майор замолчал, ожидая распоряжений, но подполковник о чем-то сосредоточенно думал. – Товарищ подполковник, я могу быть свободным?

– Иди, работай, Олег, – растерянно приказал Горелый.

Иван Семенович еще долго сидел в своем кабинете, но неожиданно собрался и покинул здание ГУВД. Жена обрадовалась приходу мужа, бросила: "Что так рано?", но Иван Семенович, не раздеваясь, прошел в комнату сына, закрыл за собой дверь, выдернул из розетки орущую магнитолу, рывком за майку поднял сына с дивана.

– Что ты натворил, мерзавец? – глядя в глаза, тихо спросил Иван Семенович.

– Это не я, – Тимофей испуганно заскулил, а потом, сквозь сопли и плачь, во всем сознался отцу.

– Если тебе, гаденыш, наплевать на меня и на мать, – Горелый задохнулся от гнева, – то о себе ты должен был подумать, ведь тебя посадят на десять, а может и на пятнадцать лет.

Милиционер подошел к окну распахнул форточку, но воздуха ему не хватало. Дверь открылась, в комнату хотела войти мать Тимофея, но увидев разъяренное лицо мужа, тихонько удалилась и плотно притворила за собой дверь.

– Ты хоть догадался подмыться и трусы поменять? – Горелый не дослушал скулеж сына, отправился в ванную комнату, схватил какой-то пакет, вытащил из ящика грязное белье сына и покинул квартиру, громко хлопнув дверью. В одном из соседних дворов подполковник оставил машину и выкинул в мусорный бак пакет. Спустя четверть часа, Горелый входил в лабораторию эксперта.

– Петрович, ты еще хочешь вернуть мне свой долг, – мрачно спросил Горелый.

– Привет, Иван Семенович, я готов сделать все, что ты пожелаешь, – с готовностью произнес эксперт, – благодаря тебе в моей семье спокойствие, я умею быть благодарным, ты только скажи, что требуется.

– Экспертизу по убитой девушке ты уже сделал? – подполковник отказался присесть на предложенный стул, – Ты, определил уже кто ее изнасиловал?

– Подозреваемых будет искать твоя служба, я только взял смывы с тела убитой и парня, что был с ней в машине.

– Ты должен дать заключение, что это Никита Григорьев изнасиловал и избил до смерти Ларису Сарову. – Горелый схватил со стола чашку с недопитым чаем и с жадностью осушил ее.

– Ваня, не переживай, – эксперт попробовал улыбнуться, – мне это будет сделать несложно, а что касается убийства, то косвенными доказательствами может служить кровь

Саровой, ведь Григорьев был весь вымазан в ее крови, – эксперт снова стал серьезным, – Ваня, ты только позаботься, чтобы виновные в смерти девушки лишнего не болтали.

– Это, Петрович, уже не твоя забота, – подполковник, не прощаясь, покинул лабораторию, он мысленно загнул очередной палец на руке, оставалось сделать последний шаг, чтобы спасти сына.

Горелый притормозил возле здания, которое в городе именовали мэрией, поднялся на второй этаж, распахнул дверь в приемную председателя горисполкома. В ожидании, назначенной аудиенции, в приемной сидели несколько мужчин и женщин. Горелый по диагонали прошел до двери кабинета Савельева и хотел распахнуть ее, но секретарша, фурией налетела на него, и стала телом прикрывать дверь от вероломного посетителя, что-то при этом выкрикивая. Горелый с легкостью отодвинул рукой женщину и ворвался в кабинет. Напротив, председателя горисполкома сидели два скромных просителя.

– Иван Семенович, ты, что себе позволяешь? – Заикаясь, выговорил председатель.

– Владимир Эдуардович, я его не пускала, – попыталась оправдаться секретарша, – он сам ворвался.

– Вон, – негромко произнес Горелый, – просителей и секретаршу, как ветром сдуло из кабинета. – У нас ЧП, выгони из приемной всех и девку свою тоже.

Владимир Эдуардович послушно вышел из своего кабинета, извинился, что сегодня не сможет больше никого принять, отпустил своего секретаря, запер приемную на ключ и вернулся для разговора с начальником ГУВД. Все это время Горелый продолжал стоять, когда вернулся хозяин кабинета, подполковник обвел взглядом помещение и выдернул телефонный шнур из розетки.

– Иван, ты меня пугаешь, – недовольно засопел Савельев, – ты скажешь, наконец, что случилось.

– Твой ублюдок, изнасиловал и убил Ларису Сарову, дочку директорши музыкальной школы.

– Иван, что ты за чушь несешь? – Разозлился Савельев, – какой еще мой ублюдок.

– Сашка, сыночек твой драгоценный, – начальник ГУВД растянул губы в усмешке.

– Мой сын, – лицо мэра города вытянулось, он даже постарел мгновенно на десять лет.

– А где в это время был твой Тимофей и его друг Никита?

– Владимир, дело уже возбуждено, наши пацаны, а также Никита и Лариса, отправились за город на пикник, набрали вина и водки. – Подполковник вновь задохнулся от гнева. – От алкоголя у твоего Сашки крыша поехала или гормоны заиграли, он изнасиловал подружку Никиты, а потом избил ее и заставил насильничать моего стервеца.

Горелый подошел к приставному столику, налил в фужер воды из кувшина, и медленно выпил, наблюдая, как у Савельева трясутся руки.

– Ты, Владимир, не переживай, экспертизы будут свидетельствовать, что это Никита Григорьев изнасиловал и убил Ларису Сарову. Сейчас езжай домой и втолкуй своему придурку следующие показания.

В течении десяти минут Горелый дотошно разъяснял, что и как нужно говорить, когда на Сашку и Тимофея выйдет следствие. Как и хотел начальник ГУВД следствие пошло по намеченному им плану, у Никиты оправдаться не было шансов, подозрение не вызвали невнятные показания Александра Савельева и Тимофея Горелого, в виде одинаковых заученных бормотаний. По завершению расследования было решено провести скорый суд по горячим следам, это было вызвано недовольством жителей города. Суд был скорый и невиновного Никиту Григорьева отправили на зону, а тело его любимой девушки придали земле.

Насильников на зоне обычно ожидает жестокая участь, но Никиту спасло то, что вместе с ним из Тарска, в дальний лагерь строгого режима, был этапирован квартирный вор Шмыга, сообщивший смотрящему по кличке Дед, что дело против парня слепили местный мэр и мент. Смотрящий приказал не трогать парня и определить его в мебельный цех. Первое время Никиту не оставляло отчаяние, смерть любимой, признание его насильником и убийцей больно ранили его душу.

В мебельном цехе Никита сошелся с мужчиной средних лет Григорием Никифоровичем, но за хмурый и неразговорчивый вид его все называли Угрюмый. Новый друг выслушал историю Никиты, рассказанную с надрывом.

– Парень, – тихо произнес Угрюмый, – Нужно тебе прекращать переживания, иначе ты сам себя загонишь под землю.

– Я очень любил Ларису, – на глазах Никиты выступили слезы, – меня оговорили, обвинили в преступлении, которого я не совершал.

– Пора остановиться и помолиться, – продолжил Угрюмый, – я очень любил свою жену, но, когда она изменила мне, я в приступе ревности убил ее и своего друга, а потом также как ты переживал, не находил себе места. – Мужчина проницательно посмотрел на Никиту. Один умный человек уже здесь в лагере сказал, что нужно помолиться и попросить у них прощение.

– Так что же ты сделал? Последовал совета умного человека?

– Я много и долго молился, – Угрюмый перекрестился, – однажды ночью ко мне во сне пришла она с моим другом, тогда я понял, что они простили меня. Утром я почувствовал облегчение, тогда я стал просто жить, отбывая наказание день за днем и год за годом.

– Угрюмый, я не умею молиться и не знаю молитв.

– Молиться это дело не хитрое, главное, чтобы от чистого сердца, – мужчина пошарил по карманам, вытащил лист бумаги, – держи, я несколько молитв для тебя записал.

Каждый день, неделя за неделей в любую свободную минуту, Никита читал молитвы, скоро слова молитв накрепко напечатались в его мозге. Прошло несколько месяцев, как состоялся откровенный разговор между Угрюмым и Никитой, эти молитвы изменили его, вместо убитого горем, согбенного и вечно страдающего парня, возник человек с гордо поднятой головой. Однажды ночью в сновидениях он увидел Ларису.

– Мой любимый, Никита, – с улыбкой произнесла девушка, – мы знаем, что ты невиновен, прекращай страдать. Ты должен выжить, а отомстить или простить решай сам. – Лариса подошла к нему и нежно поцеловала в губы. – Бог велит возлюбить и простить врагов, как своих близких. Я их простила, значит, простишь и ты.

Никита во сне протянул руки, чтобы обнять и расцеловать Ларису, но неожиданно очнулся от сна. Легкий толчок в плечо вернул Никиту от сновидений в реальность, парень поморгал несколько секунд и заметил стоящую рядом фигуру зека.

– Ну что проснулся? – шепот осужденного окончательно разбудил парня, – поднимайся, тебя в мебельном цехе Дед ожидает. Зек заметил поднимающегося Угрюмого, – ты бы мужик не суетился раньше времени, – с этими словами осужденный растворился в темноте ночи.

Когда Никита вошел в тамбур цеха, то сразу расслышал сильный кашель больного человека. Смотрящий за зоной, старый уголовник Дед сидел на брусках заготовках, рядом стоял подручный и держал дымящуюся кружку.

– Подойди сюда, – раздался резкий прокуренный голос.

– Замолкни, Седой, – покинь нас.

Седой поставил кружку рядом со стариком, зло взглянул на парня и ушел из цеха. Никита осторожно подошел к смотрящему, и встал напротив него.

– Сынок, взял бы табурет и присел для разговора рядом, – Дед отхлебнул чифира из кружки и дождался, когда Никита найдет табурет и усядется напротив. Спокойным медленным взглядом глаза, смотрящего сопровождали суету парня.

– Простите, что вам пришлось ждать меня, – осторожно произнес Никита.

– Оставь, пустое это, – вяло выговорил Дед, – в его речи не было слов и выражений, что часто слышал парень от других уголовников. – Я приказал на протяжении нескольких месяцев наблюдать за тобой, приставил к тебе Угрюмого и вижу, как ты стал меняться.

– Невозможно бесконечно страдать, – не выдержал парень, – мне помог разобраться с собой Угрюмый.

– Постарайся даже здесь на зоне остаться нормальным человеком, не впитывай привычки уголовного мира, – лицо Деда растянулось в улыбке, – рядом со мной нужен человек, не замазанный в преступлениях.

– Я здесь оказался не просто так, – вспыхнул неожиданно Никита, – меня осудили...

– Мне все известно, – повысил голос старый вор, – ты виновен только в том, что позволил своей женщине поехать на гулянку с тобой, за это ты ответишь перед богом, – Дед положил ногу на ногу, – с этого момента никаких кличек, обращайся ко мне Аркадий Васильевич.

На протяжении часа уголовник рассказывал о своей воровской жизни и о невероятном богатстве, что сумел создать, даже во времена Советского Союза. Оказалось, что на протяжении своих долгих лет он так и не создал семью, здоровье на зоне стало лететь под откос, разочарование в выбранном пути, мечты о сыне вынудили вора привлечь к себе Никиту.

– Мне немного осталось, и я хочу передать все, что смог заработать своему наследнику. На протяжении десяти лет на свободе и на зоне я ищу такого наследника, но не желаю, чтобы он оказался из моего воровского мира.

Смотрящий снова зашелся в припадке кашля, деревянные заготовки затряслись вместе со стариком, видя, что кружка может опрокинуться, Никита соскочил с табурета, подхватил кружку и попытался напоить вора.

– Завтра, – давась кашлем, продолжил Дед, – из барака переезжаешь в мою пристройку.

– А как начальник лагеря...

– С кумом уже все решено, работать в цехе будешь по четыре часа, а в остальное время, сынок, нужно будет упорно учиться, – аккуратно оборвал вор фразу парня.

– Аркадий Васильевич, – горько произнес Никита, – чему я могу научиться, как мебель делать или на станке работать.

– Рабочие профессии тоже очень важны, – рассмеялся смотрящий наивности парня. – Ты же студент, поступил в институт и, если бы не ментовская подстава, уже всю бы учился. – Дед побарабанил пальцами по-своему колену, – на моей зоне много разных сидельцев, есть профессор истории, есть преподаватели экономики и финансов, а также целый декан факультета. Скоро кремлевские старики, как и я, уйдут в далекий и неизведанный мир.

– Аркадий Васильевич, – встревожился Никита, – надеюсь, вы проживете долгие годы.

– Сынок, это не главное, – поморщился вор, – мне важно, чтобы ты получил хорошее образование, пусть и без картонного диплома, а когда выйдешь на свободу, советские устои рухнут, а ты займешься бизнесом и приумножишь мои богатства.

На следующий день Никита перебрался в пристройку смотрящего за зоной, он думал, что придется помогать, обслуживать старика, но у него оказался комплект слуг и даже личный врач. День Никиты протекал по сценарию, намеченному смотрящим, с утра на протяжении четырех часов работа в мебельном цехе, затем, сменяя друг друга профессора и преподаватели читали персональные лекции, а после обеда, следовали семинары и контрольное тестирование, после парень корпел над учебниками и книгами. С особым увлечением Никита погружался в исторические книги, несмотря на пестроту дат, событий и имён, парень впитывал знания. Новая книга, непонятно как попавшая в библиотеку исправительного учреждения, оказалась

посвящена крестовым походам. Перелистывая мелованные страницы книги, Никита представлял себе смелых крестоносцев. На одной из страниц книги, приводился перевод письма рыцаря госпитальеров командора Бертолдо Сарто, одного из выживших крестоносцев Иерусалимского королевства, когда на святой земле у них осталась последняя цитадель Акра, а мамлюки султана Халила уже стучались в стены крепости, заняв позиции перед крепостными стенами.

На протяжении нескольких лет мы, ведомые королем Гуго III, королем Генрихом II и принцем Эдуардом Английским, усиливали и строили новые оборонительные сооружения, для главной крепостной стены были возведены барбакены, выдвинутые строения, связанные с куртиной валом, прикрывавшим нижний бастион с мощными башнями. Внутри крепости город разделяли на два квартала, а дома, в том числе и принадлежащие братьям госпитальерам, представляли собой хорошо укрепленное здание.

Как печально наблюдать со стен цитадели за нарастающей силой мусульманского войска, осмысливая прошлые ошибки наших предводителей, их прошлые споры и распри, сегодня кажущиеся грешными.

Я смотрел на молодого солдата с бледным лицом, наблюдавшего за подготовкой осадных орудий мамлюков, и не находил слов для его поддержки, но наконец собрался с мыслями и призвал к стойкости, ибо вера Христова и благодать небес позволят нам выстоять. Когда под крики погонщиков, многочисленные повозки вытянули на линию стрельбы две огромных катапульты мангонно, волнение передалось даже закалённым в битвах сержантам, на их лицах я прочел сомнение – выдержат ли наши укрепления удара огромных метательных снарядов или сокрушат крепостные стены и башни.

Как рыцарю госпитальеру, поставленному защищать последний христианский форпост, приходится покрикивать на солдат и сержантов, чтобы находились под прикрытием стен, иначе осколки камней от осадных машин, мечущих огромные валуны и мириады стрел, не выкосили мой отряд. Крепость кажется надёжной твердыней, но наша вера твёрже камня, она дарует нам силы и позволяет сражаться. С наступлением каждой ночи, все воины христовы ждут передышки, как и армия мамлюков, я выхожу на крепостную стену и смотрю вдаль на огни мусульманской армии, расположившейся от окончания стены Монтмусарда до залива Акко, где-то вдалеке у берега я представляю красный шатер султана. От этой грозной армии, от обстрела десятками требуше, мои воины впадают в трепет, несмотря, на прибывающие подкрепления из Кипра, ощущаю, как немного нас против воинства султана Халила.

Что же нам предпринять, как скинуть врага от наших стен? Остаётся только одно – преодолеть трепет и под покровом ночи атаковать врага, напоить наши мечи кровью воинов Халила и вогнать их в страх и бегство с земли, принадлежащей нам по христову завещанию. Нет ничего хуже слухов, германцы отступили, дрогнули, великий магистр тамплиеров смертельно ранен, наши силы почти на исходе.

Почему наши вылазки неудачны, мы теряем рыцарей и солдат, может Христос оставил нас, я слышал о прибытии сорока кораблей с королем Генрихом II, я видел спустя неделю его лицо, боровшееся с тенью растерянности и собственной слабостью, почему господь не посылает нам источник, где мы могли бы черпать новые силы. Когда стали гибнуть горожане и простые люди, великий магистр отправил парламентаров к султану Халифу, но тот не возжелал выслушать и потребовал ключи от города, угрожал уничтожить бедных жителей, если христово воинство не отступит и мирно не сдаст Акко. Тамплиеры не принимали предложений госпитальеров, полные решимости они хотели умереть, но не отступить, их требуше запустил валун, по палатке рядом с султаном. Позже я раздумывал, смогу ли понять его ярость, это вероломство со стороны храмовников, многие госпитальеры сравнили с их прошлыми распрями. К счастью

в окружении султана Халила нашелся достойный человек, подобравший слова для своего господина, вернуть наших братьев живыми.

Последующие дни оказались печальными, король Генрих II, со своими рыцарями и солдатами, оставили без защиты башню и ворота святого Антония, по соглашению с сарацинами вернулись на Кипр. Ранним утром я услышал гром барабанов и рев горнов, это стало предвестием приближающейся гибели. Перед моими глазами до сих пор стоит хаос смерти, это была битва не за город, а за улицу и переулок, мертвые тела христианских защитников были повсюду, стоял безумный ор, простые жители покидали дома, с криками мчались к берегу, надеясь найти спасение на море, но падали, застилая своими телами все вокруг и окропляя многострадальную землю своей кровью. Горстка наших братьев скрывалась под защитой внутренних стен, когда наш великий магистр получил соизволение султана Халила на свободный проход в Кипр, мы покинули Акру с тяжёлым сердцем и на нескольких кораблях вышли в море. Позднее мы узнали о страшной гибели тамплиеров, они отказались покидать Акру, и оказались погребены под рухнувшими стенами крепости от подкопов мамлюков.

Только поздним вечером после ужина проходили вечерние посиделки с Аркадием Васильевичем, эти обсуждения Никита также считал очень важными для себя. Наряду с гуманитарными предметами, толстый неуклюжий мужчина, несколько раз в неделю учил Никиту английскому языку. Регулярно с Никитой работал мастер спорта по дзюдо, что помимо синяков, приносило парню истинное удовлетворение. Аркадий Васильевич месяц за месяцем наблюдал за Никитой, названный сын раздался в плечах, его мышцы постепенно наливались сталью, преподавание разнообразных дисциплин не наскучило, в его глазах постоянно светился огонек жажды новых знаний.

Прошло пять лет, как старый вор взял под свое крыло Никиту, вместе с взрослением парня, смотрящий старел и слабел, в тоже время на зону стали прибывать молодые сильные злые отморозки, а мощное государство под названием СССР, расколосось на множество частей. Волею судьбы на зону занесло молодого американского профессора, преподававшего в Йельском университете менеджмент и экономику, но за какое преступление он очутился в лагере, оставалось загадкой.

Вечером в небольшую комнату Никиты, что была выделена ему в пристройке смотрящего, привычно зашел Аркадий Васильевич.

– Как ваше самочувствие, Аркадий Васильевич, – Никита отложил книгу в сторону, – что врач говорит.

– Болезни оставим на совести врачей, – старый вор на мгновение задумался, как будто что-то подсчитывал, – мне еще лет семь на зоне гнить, но пять годков я еще выдержу, а за это время, может, смогу тебе устроить условно-досрочное освобождение.

– Надеюсь, что мы вместе еще глотнем воздуха свободы? – Предположил парень.

– Ты, сынок, выйдешь на свободу, а я здесь навечно, – старик хотел еще что-то сказать, но в комнату заглянул услужливый подручный.

– Дед, – замялся уголовник, – тут Юса привели.

– Давай его сюда, – Аркадий Васильевич снова повернулся к Никите, – я уже перестал удивляться подаркам судьбы, – старый вор усмехнулся, – сынок, наверное, уже наслышан, что на моей зоне появился профессор американского университета, настоящий штатовец, – Дед с улыбкой посмотрел, как молча кивает парень, – надеюсь учиться еще не надоело?

– Нет, вы же сами, Аркадий Васильевич, говорили, что это позволяет убить время с пользой, – направление взгляда Никиты изменилось, и смотрящий тоже повернул голову в сторону вошедшего.

В дверном проеме стоял высокий бледный молодой мужчина, в руках он теребил кепку, но пройти в комнату опасался.

– Что застыл, Джон, проходи и присаживайся, – спокойным голосом произнес смотрящий.

– Я не Джон, – американец, получивший кличку Юс, прошел в комнату, но присесть не осмелился, – мое имя Фил Райли.

– А отца у тебя как зовут? – Снова спросил старый вор.

– Роберт, – коротко ответил американец.

– Будешь по русской традиции Филиппом Робертовичем, – сквозь кашель рассмеялся смотрящий. – Мне нужно, чтобы ты научил этого парня рыночной экономике, ведь сейчас в России рыночные отношения, и другим наукам, что для бизнеса нужны. – Аркадий Васильевич поднялся со своего места. – Про все свои другие дела забудь, – старый вор медленно покинул каморку.

Фил Райли с опаской посмотрел на парня, присел на стул, развел руками, словно спрашивая, чему и где он должен научить хозяина комнаты. Никита, чтобы направить отношения с американцем на дружеский лад, начал без подробностей рассказывать о себе и о том, какими знаниями он овладел за последние годы.

Владимир Эдуардович Савельев с распадом Советского союза оставил пост градоначальника уездного городка, перебрался в областной центр и основал успешный банк. В дальнейшем банковская деятельность стала прикрытием «честного» бизнесмена, используя подкупленных силовиков, Савельев, с помощью доверенных лиц, захватывал предприятия области. С ростом финансового могущества империи Савельева, его интересы охватили многие регионы России.

В течение пятнадцати лет среди собственности бывшего мэра провинциального городка были торговые и бизнес центры, банки, строительные компании, крупные пакеты акций угольно-добывающих и металлургических компаний. Его попытки завладеть хотя бы частью нефтегазового сектора обернулись сильным ударом со стороны власти и более могущественных структур, тогда Савельеву пришлось отступить, он решил переориентировать свои интересы с нефтянки на криминализованные золотодобывающие артели Дальнего востока.

Сегодня Владимир Эдуардович отправился в свой офис поздно, виной тому послужили нахлынувшие воспоминания. Савельев, как обычно проснулся рано, вместо утреннего душа ему почему-то захотелось воздуха, поэтому, облачившись в спортивный костюм, засунув ноги в удобные кроссовки, покинул свой душный дом. На улице прохлада обволокла Владимира Эдуардовича, разгоняя холод, он пружинисто попрыгал, потряс руками и припустил по гравийной дорожке вокруг дома.

Со стороны реки подул слабый ветерок, сдувающий пот с лица, Савельев то ускорял, то замедлял свой бег и так круг за кругом огибал свой дом. Савельев, наконец, остановился и прогулочным шагом прошел на поляну, поросшую мягкой травой, ему захотелось прилечь, как когда-то в детстве на этот ковер. Он опустился на траву и стал разглядывать глубокое, как море, голубое небо, а когда почувствовал холод от земли мгновенно поднялся, сделал несколько согревающих гимнастических движений и вошел в дом.

Савельев решил поплавать в бассейне, но, когда потрогал воду, поморщился от холода, разделся и направился в душ, согревая себя теплыми приятными струями мягкой воды. Кухарка уже приготовила завтрак, Владимир Эдуардович хотел было по-быстрому привычно проглотить кашу за столиком на кухне, но передумал и решил позавтракать в столовой. Кухарка, шаркая ногами, потащилась с подносом за хозяином и накрыла стол.

Савельев, не дожидаясь реакции кухарки, налил в стакан апельсинового сока, отпил несколько глотков, его внимание привлекла небольшая картина на стене. Этот зимний пейзаж Саврасова зацепил и не отпускал взгляд Владимира Эдуардовича, воспоминания вернули его на десятилетие назад. В то время он жаждал денег, больших денег, он, как волк рыскал по регионам, рассылал своих подручных и придумывал разные схемы по присвоению различных предприятий.

Алишер Ревангалиев, владелец южного шахтоуправления, умудрился получить эту собственность за копейки в начале девяностых, а когда он обратился за кредитом в банк Савельева для проведения реновации, то банкир отказал, он в мечтах уже владел этой собственностью. Горелый в то время получил назначение на должность заместителя начальника областного главного управления внутренних дел, с повышением до звания полковника. Горелый следил за ростом империи Савельева, активно собирая досье на бывшего градоначальника, что позволяло регулярно получать от бизнесмена финансовые выплаты. Однажды Горелый предложил банкиру встретиться в ресторане, и Савельев не смог отказать менту.

– Заставляешь ждать тебя, Владимир, – вместо приветствия сердито бросил полковник.

– Иван Семенович, что ты хотел, – устало спросил банкир, – у меня слишком много забот, чтобы празднично сидеть в ресторане.

– Знаю, что тебе покоя не дает собственность Ревангалиева, – на лице мента образовался хитрый оскал, – я могу устроить, чтобы эти шахты стали твои.

– А в чем твой интерес? – Удивился банкир.

– Скромное, но регулярное пополнение счета в твоем банке, – улыбнулся Горелый.

– Деньги не проблема, – заторопился Савельев, – что ты можешь сделать с Алишером?

– По оперативным данным Ревангалиев собирает силы, чтобы захватить карьер на востоке области, и послезавтра состоится встреча с нынешним владельцем. – Полковник помолчал, давая осмыслить сведения банкиру. – Мои бойцы помогут зажечь перестрелку, в результате операции по ликвидации преступной группировки ты получишь и шахты, и карьер.

– Иван, это отличный подарок для меня, – обрадовался Савельев, – держи меня на связи, я отправлю своего нотариуса, бухгалтеров и юристов.

Через два дня Горелый позвонил банкиру и сообщил, чтобы дожидался на шоссе в десяти километрах от здания южного шахтоуправления в придорожном кафе, пока милиция разберется с группировкой Ревангалиева. Прошло несколько часов после короткого боя в окрестностях поселка Скабирово, менты собирали оружие, подсчитывали убитых, передавали скорой помощи раненых и грузили в автозак, выживших задержанных.

Савельев подъехал, спустя полчаса, после звонка полковника, в окружении охраны он решил подойти к Горелому.

– Иван Семенович, – выкрикнул банкир, полковник взмахнул рукой, чтобы пропустили за оцепление, – Алишер где?

Полковник отвернулся, что-то пробурчал в рацию и спустя минуту, перед ним возник высокий майор с грубым серым лицом.

– Майор, где Ревангалиев, – Горелый почти повторил вопрос банкира, – задержан?

– Товарищ полковник, Алишер Ревангалиев убит в ходе перестрелки, – Майор отошел на шаг, – пройдемте, я покажу его труп.

Возле рощицы на поляне, с затоптанной травой, лежали убитые мужчины, некогда принадлежавшие к южной ОПГ, чуть в стороне Савельев заметил еще одно тело, уложенное лицом на траву. Савельев почувствовал накатывающую дурноту, чувство ликования испарилось, во рту появилась горечь, а в животе неприятно забурчало.

– Переверните, – приказал полковник, слегка пнув труп Ревангалиева, а затем повернулся к Савельеву, оказавшись в шаге от него. – Владимир Эдуардович, что же ты не радуешься?

Не забудь о нашей договоренности. Горелый заметил изменения в состоянии Савельева, пристально посмотрел на него, и отступил в сторону, отдавая приказы своим людям.

Следующую неделю юристы и финансисты активно работали в здании администрации южного шахтоуправления, собственность уже перешла Савельеву, но он все что-то тянул. Каждую ночь на протяжении недели Владимира Эдуардовича мучил один и тот же сон, он шел по длинному, плохо освещенному коридору своего делового центра, то впереди, то сзади одиночные лампы дневного света вспыхивали на мгновение и гасли, на расстоянии пятидесяти метров, на стене тускло горели лампы дежурного света с оранжево-красными плафонами.

Оранжевое дежурное освещение вызывало оторопь у Савельева, казалось, что он крадется через преисподнюю, он останавливался и вновь шел вперед. На расстоянии двухсот метров, из-за поворота вышел живой Алишер Ревангалиев, красные отблески делали лицо демоническим. Владимир Эдуардович в страхе отступил на несколько шагов назад, выхватил откуда-то взявшийся пистолет и выстрелил, пуля прошила тело Ревангалиева, но он продолжал двигаться вперед. Савельев стрелял и стрелял, а Алишер трубно гоготал, его животный смех парализовал Савельева. Ревангалиев приблизился вплотную к банкиру, красные от крови пальцы Алишера сжали горло, превозмогая удушье. Владимир Эдуардович закричал и проснулся, сотрясаясь от спазм и страха.

На работе в своем кабинете, после очередного кошмара бессонной ночи, Савельев долго орал на управляющего деловым центром, требуя заменить красные плафоны дежурного света, на прозрачные, и отремонтировать люминесцентное освещение в коридорах на этажах здания. Управляющий терпеливо выслушал гнев шефа, морщась от оскорблений, а затем прошел по этажам в поисках неполадок. Во всем здании, все помещения идеально освещались встроенными светодиодными светильниками, никаких красных плафонов не было в помине.

Успокоившись, Савельев, наконец, отправился с инспекцией своей новой собственности. В здании администрации он сразу прошел в кабинет к генеральному директору, вызвав на ходу своего юриста, временно контролирующего работу предприятия.

– Рад познакомиться с вами, Владимир Эдуардович, – кинулся в коридор встречать нового хозяина гендиректор.

Гендиректор большой толстый человек, в безразмерном темном костюме, всем своим видом выражал радушие. На лице толстяка сияла улыбка, второй подбородок трясся, он пятился назад к своему кабинету, припадая на ногу, как в поклоне.

В кабинете Савельев занял место генерального, кожаное кресло показалось ему широким, как скамья, а генеральный и юрист уселись по сторонам стола для совещаний.

– Владимир Эдуардович, подал голос юрист, – этот человек неплохо управлял бизнесом при Ревангалиеве, я проконтролирую, чтобы и дальше так было, а анализ его уровня воровства свидетельствует, что уводил он всего 2-3 процента от дохода шахтоуправления.

Савельев молчал и посматривал на мужчин, сидящих напротив. На лице генерального улыбка сменяла гримасу страха перед новым хозяином, но с каждым словом юриста он ощущал себя все более уверенно.

– Работай пока, но только один неверный шаг, отправишься вслед за Алишером, – Савельев поднялся, собираясь покинуть кабинет, но его взгляд приковала небольшая картина.

Банкир подошел к стене, рассматривая картину, улыбка озарила его лицо.

– Откуда у вас это чудо, – Савельев, как малограмотный сельский житель пальцем указал на предмет своего интереса.

– Это же зимний пейзаж Саврасова, – толстяк ловко соскочил со своего стула, подошел к новому хозяину и, торопясь выдал, – Это Алишер Ревангалиев забрал за долги у одного горемыки искусствоведа, а в кабинете, что занял ваш юрист, ранее Алишер, когда приезжал в управление, есть и другие предметы искусства.

Генеральный директор встал на цыпочки, вытянул свои короткие руки, снял со стены картину, из шкафа вытащил большой пакет, упаковал картину и передал Савельеву...

Владимир Эдуардович отвел взгляд от картины, он помнил, что поместил этот пейзаж Саврасова на стену столовой своего дома в тот же день, по возвращению из южного района области. Савельев попробовал кашу, отпил кофе, еда была невкусной и холодной...

Жажду обогащения перевешивала другая страсть Владимира Эдуардовича, это была тяга коллекционирования редчайших предметов искусства. Однажды судьба свела его с ученым историком, наивно обратившимся к Савельеву, за финансовой помощью. К удивлению бизнесмена, наука на протяжении постсоветского времени финансировалась по остаточному принципу. Ради своей страсти Савельев из брошенных государством на произвол судьбы ученых, создал собственный Институт проблем Истории Искусств, а во главе поставил доктора наук Степана Кузьмича Пафнутьева, пришедшего к нему за финансовой поддержкой.

Пафнутьев быстро смекнул в чем интерес хозяина и со своими сотрудниками проводил поиски и экспертизу, особо значимых предметов искусства мира и России. В институте, помимо ученых работали, две группы особых специалистов. Первая исследовала и выискивала плохо охраняемые музеи, системы сигнализации и частные коллекции, в которых по мнению Пафнутьева, находились перспективные предметы. Вторая группа занималась похищением предметов искусства, фактически выполняла функции, схожие с рейдерскими захватами собственности, как на этапе создания империи Савельева. Не все предметы, отобранные Пафнутьевым, Савельев оставлял себе, многое реализовывалось на открытом и черном рынке, вскоре и этот ручеек превратился в мощный финансовый поток.

Как-то Пафнутьев заметил, что к сожалению, не все можно экспроприировать безболезненно, есть богатые европейские, азиатские и американские коллекционеры с сильными службами безопасности, влезть на их охраняемый объект подобно смерти, с теми следует только договориться.

– Владимир Эдуардович, – в селекторе раздался голос Анны, – к вам Пафнутьев.

– Анечка, – доброжелательный тон хозяина говорил о его хорошем настроении, – пропусти.

– Приветствую вас, уважаемый Владимир Эдуардович, – на лице Пафнутьева нарисовалась улыбка, похожая на гримасу.

– Что-то срочное, Степан Кузьмич? – взглянул на вошедшего хозяин, и спокойно стал ждать ответа, наблюдая, как карманный ученый усаживается, напротив.

– Вы же помните, что с Тамидоглу, по его коллекции вавилонских барельефов, не удалось договориться.

– Ты имеешь в виду этого жадного старого турецкого коллекционера? – К своим подчиненным, невзирая на возраст, Савельев всегда обращался на ты.

– Да, уважаемый Владимир Эдуардович, я говорю про нашего турецкого визави, – Пафнутьев потер переносицу указательным пальцем, поправил очки. – Группа наших переговорщиков две недели назад снова вернулась из Турции без результатов.

– Ты бы не тянул, – потребовал хозяин, – ситуацию по этому турку, и без твоих разъяснений, хорошо представляю. У наших специалистов по захвату интересующих нас артефактов действительно нет шансов?

– Вы же помните справку моего института, – Пафнутьев посмотрел на банкира своими слезящимися глазами, – у нас нет не единого шанса, во-первых, у Тамидоглу отличная сигнализация, во-вторых здание охраняет постоянный пост полиции, а в-третьих в начале этой недели было объявлено, что часть его Вавилонских барельефов будет реализована на торгах

аукционного дома Кристис. Аукционисты всю готовятся, скоро выйдет их каталог, а там уже и до аукциона дело дойдет.

– Как ты оцениваешь уровень безопасности этого аукционного дома?

– Если вы, уважаемый Владимир Эдуардович, спрашиваете меня про попытку перехвата при передаче ценностей, – Пафнутьев пошлепал своими сухими губами, то я бы даже не рассматривал эту акцию, у британцев широкие возможности, они могут и Скотленд-Ярд подключить. Для нас остается только попытка приобрести эти барельефы на аукционе.

– Твое мнение я принял, – Савельев отвернулся от посетителя, – иди и готовь нашу будущую сделку.

Савельев кое-как избавился от словоохотливого ученого, для этого пришлось даже встать со своего удобного кресла и сопроводить Пафнутьева до двери кабинета.

Шло время до предполагаемого досрочного освобождения Никите оставалось ожидать немногим более года, но он видел увядание Деда. Фил Райли в один из вечеров пришел в пристройку смотрящего и рассказал Никите принцип действия финансовой пирамиды, американец, видя сомнения парня, пояснил.

– Жалеть людей не нужно, – американец рассмеялся, – люди сами понесут свои деньги, кто-то потеряет деньги, но это позволит им избавиться от доверчивости, в рыночной экономике это чувство должно атрофироваться, поэтому технология финансовой пирамиды будет работать на переходном периоде.

– Я бы не хотел, чтобы такой бизнес был связан с моим именем.

– Да я уже определился, вместе с нами выходят два жулика, попавшие под советский меч правосудия, – Фил снова улыбнулся, а контроль будет на мне.

Никита рассказал идею американца старому вору и тот также заметил важность сохранения незапятнанного имени парня. Состоялся жесткий разговор смотрящего с отобранными лицами на должности руководителей фирмы. Спустя два месяца с интервалом в неделю на свободе оказались Фил Райли и новоявленные бизнесмены. Вскоре в Екатеринбурге был зарегистрирован Инвестиционный фонд Медная гора, и на людей региона пролилась навязчивая реклама, призывающая вкладывать деньги.

Райли настоятельно потребовал, чтобы жулики для большего расположения вкладчиков, поменяли фамилии, так на свет появились добропорядочные граждане Николай Добров и Вадим Чеслов. По решению американца Добров становится президентом фонда, а Чеслову досталась должность председателя совета директоров.

В одном из рекламных роликов Чеслов рассказывал о богатствах, скрытых в уральских горах, о том, как геологи фонда Медная гора открыли несколько месторождений редкоземельных металлов, меди, полудрагоценных камней и черного золота – нефти, рассказывал о начале добычи этих полезных ископаемых. Чеслов демонстрировал контракты, заключенные с крупными компаниями, но убеждал зрителей, что основными инвесторами должны выступить обычные уральские граждане.

– При открытии нашего фонда Медная гора, доход от вклада составлял 2 процента в месяц, сегодня уже 5 процентов, – вещал из телевизора Чеслов.

Изображение честного бизнесмена сменяли почти мифологические кадры. Данила мастер, известный каждому уральцу, искал возможность получить доступ к сокровищам горы.

Пройдет год наш фонд добудет из уральских недр миллионы тонн полезных ископаемых, доходы вкладчиков резко вырастут, – снова призывал Чеслов уральцев вносить средства в фонд.

Телезрители наблюдали, как Добров, в образе Данилы мастера, получил ключи от хозяйки медной горы, перед ним раскрылись пещеры полные драгоценных самоцветов.

– Ваш вклад через год возрастет на 300 процентов, – гарантировал Чеслов с лицом честного бизнесмена в завершении ролика.

Аркадий Васильевич, слабеющей от болезни рукой, отключил телевизор, щелкнув по клавише. На протяжении получаса Никита и Дед вечером сидели возле включенного телевизора в ожидании рекламы фонда. Старому вору становилось все сложнее сдерживать кашель, за последние месяцы болезнь сильно прогрессировала.

– Вот, гаденьши, – со смехом произнес Аркадий Васильевич, – научил этих жуликов твой Филипп Робертович.

– Мне этот бизнес не нравится, – вздохнул Никита, но Фил говорил, что сегодня в России большие возможности заработать капиталы, пока есть возможность нужно не полениться, наклониться и собрать деньги.

– С твоим досрочным освобождением все окончательно решено, – чтобы уменьшить кашель, смотрящий попил воды, – тебе нужно подумать о другом имени.

– Мне осталось отбыть три месяца, – на лице Никиты эти слова вызывали радость, – а имя мне свое нравится.

– Сынок, я думаю, что твои враги не забыли о тебе, – взгляд старого вора оставался спокойным и он не одобрял преждевременной радости парня. – О втором имени – псевдониме все же подумай.

Никита согласно покачал головой, поднялся, чтобы перейти в свою небольшую комнату, но старик поднял вверх указательный палец правой руки. Никита за годы привык к различным жестам названного отца, этот жест означал молчаливую просьбу остаться.

– Сынок, настало время сообщить тебе главное, – старик замолчал на мгновение, – чувствую мои силы на исходе, – заметив, что парень решил возразить, смотрящий медленно шевельнул пальцами левой руки, что означало просьбу помолчать. – С момента моего ареста всеми делами на золотых приисках Белогорска в Амурской области руководит вьетнамец Данг, ему я абсолютно доверяю.

Без доказательств Данг, как любой восточный человек не сможет поверить Никите, даже если он будет точно знать, что прибывший из зоны, названный сын старого уголовника по кличке Дед. Аркадий Васильевич кликнул своего услужливого уголовника и на его глазах с трудом снял с большого пальца левой руки потемневший тяжелый золотой перстень с причудливым вензелем АД.

– После моей смерти подтвердишь, что я сам в здравом уме передал перстень своему названному сыну, – старый вор в упор посмотрел на уголовника, теперь уходи.

Никита надвинул перстень аналогично на большой палец своей левой руки, перстень плотно держался на пальце, только осязаемая тяжесть не давала быстро привыкнуть к этому. Глаза старого человека, ощущавшего скорую смерть, лучились добротой к названному сыну и спокойствием к своей участи.

После подробно и долго, почти не кашляя, рассказал, где находится его припрятанный золотой запас и как нужно поступить, чтобы добраться до него. Аркадий Васильевич поднялся с кресла, давая понять, что пора спать. Ранним утром Никита проснулся от звенящей тишины, в комнате чувствовался сильный холод. Тревожная мысль болезненно кольнула в правый висок головы Никиты, беспокойство усилилось, парень быстро оделся и прошел в комнату старого вора. Аркадий Васильевич лежал на спине, его грудь, прикрытая клетчатым шерстяным одеялом, была неподвижная, парень стоял, замерев возле дивана названного отца, и с тоской понял, что это холод смерти.

В один из дней, когда утреннее предчувствие посулило Владимиру Эдуардовичу неприятности, он ворвался в свою приемную переполненный гнева. Возле окна в приемной стоял Константин Михайлович Кошелев, начальник службы безопасности холдинга Савельева, он бездумно смотрел на пейзаж за окном и медленно пил кофе.

Свет попадал из окна на бледное с грубыми чертами лицо мужчины, превращая его в античную фигуру, не заверенную древним скульптором. Прогоняя накатившуюся ассоциацию, Савельев подошел к запертой двери своего кабинета и повернулся к Константину.

– Костя, что-то случилось, – Савельев не назначал отставному военному встречу на сегодня, а до очередного совещания, что регулярно проводились по понедельникам было несколько дней, учитывая выходные.

– Владимир Эдуардович, урки на золотых приисках Белогорска опять взбунтовались, – Майор скользнула серыми глазами со стальным блеском, и Савельев почувствовал, что в кабинете стало холодно. – Старый вьетнамский лис отбил у нас прииск в окрестностях села Перышево.

– А как же охрана? – Савельев передернул плечами, встал, достал из бара бутылку бурбона и плеснул понемногу в два бокала. – Что ты предлагаешь? – Хозяин кабинета пододвинул один бокал майору, а из другого немного отпил.

Кошелев подробно по-военному докладывал шефу о ситуации на золотом прииске Леонтиевский ручей, самый крупный из трех объектов золотодобычи, принадлежащих Савельеву.

– Владимир Эдуардович, этот прииск уже много лет контролирует наша корпорация Star Invest, – бывший военный замолчал, словно обдумывал очередную фразу, – Леонтиевский прииск мы отбили у управляющего по имени Данг, поставленного старым вором в законе по кличке Дед, когда этого вора еще советское правосудие отправило за решетку.

– Наш прииск расположен в окрестностях Белогорска, – Савельев вытаскил карту Амурской области, поводил по ней пальцем.

Майор взял со стола карандаш, бегло взглянул на карту и обвел необходимое место овалом.

– В результате нападения на наш объект бандитов, трое охранников погибли, четверо ранены, а остальные согласились работать на Данга, – бывший военный не любил сообщать шефу плохие новости и прекрасно понимал, что его слова уже вызвали гнев у банкира.

– Пора поквитаться с этим Дангом! – Прошипел Владимир Эдуардович.

– Группировка Вьетнама очень мощная в регионе, местную перестрелку амурские СМИ назвали спором хозяйственных субъектов. – Майор посмотрел на пунцовое лицо шефа, – Данг планировал приурочить захват прииска к выходу старого вора, но Дед умер незадолго до своего предполагаемого освобождения.

– Если этот управляющий лишился поддержки вора в законе, то нужно отбить, вернуть нашу собственность, как можно быстрее.

– Мне собирать бойцов? – Константин посмотрел на бокал и неприятно покусал нижнюю губу, словно ему было предложено какое-то непотребное пойло.

– Костя, сам собираешься лететь на восток? – Савельев допил свой бурбон.

– Нет, – коротко бросил Кошелев, – отправить хочу моего зама и с ним еще двенадцать бойцов, вылет запланирован на послезавтра, если нет возражений.

– Вопрос с уголовниками нужно решить раз и навсегда, как можно скорее. – Савельев полистал свою записную книжку, нашел нужную страницу и выписал контакт на листок, – там у нас появился новый прикормленный полковник, прикрытие силовиков тебе не помешает.

Константин, молча взял листок с фамилией и телефоном благовещенского полковника и не прощаясь, покинул кабинет своего шефа. Савельев за годы своего бизнеса, от общения с людьми из самых разных групп, давно перестал испытывать чувство страха. От отставного

майора, что он вытащил из уголовного процесса, приблизил к себе и назначил руководить службой безопасности, исходила какая-то необъяснимая по мощи сила, поэтому Савельев при общении с Константином спинным мозгом ощущал неприятный холод.

Никита прошел по длинному открытому туннелю, слева и справа вздымались бетонные плиты с колючкой сверху, с лязгом распахнулась последняя металлическая дверь и пенитенциарная система выплюнула парня за пределы зоны. Никита сделал нерешительный шаг и замер, но захлопнувшаяся тяжелая дверь сильно толкнула, чтобы удержать равновесие пришлось пару раз шагнуть вперед. На противоположной стороне пыльной дороги, из припаркованной машины высунулась голова Фила Райли.

– Хай, Никита, – прокричал американец с улыбкой на лице, – ты еще долго стоять будешь?

Никита обрадованно припустил к машине, забрался на заднее пассажирское сиденье и только тогда увидел Угрюмова. Вместо улыбки, Угрюмый натянул одну из своих доброжелательных гримас.

Райли повернул ключ зажигания и двигатель завелся, он оглянулся назад, указал на сумку, лежащую на полу между сиденья, заметил: "Скидывай лагерное, переоденься в нормальную одежду" и машина, набирая скорость помчалась по дороге, возвращая Никиту в нормальную жизнь.

– Рад видеть тебя на свободе! – Угрюмый в пол-оборота повернулся к Никите. – Еще до своей смерти Дед связался с Филом и приказал забрать меня, когда три месяца назад я оказался на свободе.

Григорий Никифорович Платонов, получивший на зоне кличку Угрюмый за свой мрачный и неразговорчивый вид, обладал гражданской специальностью геолог. Смотрящий предусмотрительно предположил, что геолог пригодится Никите и Дангу на золотых приисках. За свою прошлую жизнь Платонов побывал в самых разных регионах и обладал ценным опытом работы в геологоразведочных экспедициях.

Фил, не отврывая своего внимания от дороги, лавируя между ухабами, мчался к известной ему цели и после короткого рассказа Платонова принялся энергично рассказывать о годе работы инвестиционного фонда.

– СМИ создали облик среднего россиянина, как обнищавшего в ходе перестройки, шоковой терапии и переходного периода, – Райли хохотнул, – наши уральцы несли деньги, чуть ли не мешками. Поразительная русская беспечность и доверчивость.

За год с небольшим, фонд Медная гора смог вытащить из карманов уральцев огромную сумму, часть средств фонд выплатил чиновникам и наиболее расторопным гражданам. Далее, засветившиеся честные бизнесмены, объявили фонд банкротом, но на счетах, казалось бы, перспективного предприятия, ничего уже не осталось. Свой процент получили Добров с Чесловым, оставшуюся сумму, в размере более пятидесяти миллиардов рублей, Райли сумел спрятать на счетах надежных банков и в акциях особо ценных компаний.

От пересказа Фила об успешной афере Никита хмурится, считая себя соучастником грабежа уральцев, но американец, заметил в зеркало заднего вида его недовольство.

– Никита, напрасно злишься, – американец снова сосредоточился на дороге, – во-первых, люди сами несли деньги в фонд, никто их не грабил, а во-вторых большая половина этих денег твои, хотя нужно быстро решать и вкладывать эти средства, а то российские чиновники опять что-то придумают, девальвируют рубль или что-то другое.

Райли и Никита периодически что-то обсуждали, спорили, а Платонов почти молчал на протяжении всего долгого пути, он лишь посматривал на Никиту и на американца. Когда

автомобиль, управляемый Райли, подъезжал к городу, Никита почувствовал усталость и тихо заснул. Платонов растолкал парня, Никита покрутил головой, машина была припаркована возле подъезда новостройки. Мужчины поднялись в новенькую четырехкомнатную квартиру, еще пахнущую шпаклевкой и краской, но хорошо обставленную.

– Фил, чья эта хата, без вопросительной интонации спросил сонным голосом Никита.

– Прикупил два месяца назад, недавно закончили отделку, – Райли устало улыбнулся, – на кухне в холодильнике найдете, что перекусить, а я устал, пошел спать.

Никита быстро принял душ, чувствуя, что засыпает, прошел в комнату и улегся на кровать, запроваленную хрустящей белоснежной простыней, потянул на себя воздушное одеяло и мгновенно уснул, как когда-то давно в родительском доме.

Утром Никита проснулся от разговора мужчин, быстро собрался и заметил Платонова, высунувшего голову из-за косяка.

– Ну, ты, брат, мастер спать. – Угрюмый хмыкнул, – В общем, правильно, мы же свободные люди, и никто нам не может указывать, он как-то по-особенному с теплотой посмотрел, пошли, пора позавтракать.

Просторная кухня была хорошо обставлена, кухонные шкафы, со светлыми зеркальными фасадами, подвешенными на двух стенах, с левой стороны от входа, тумбы под ними с дверцами и выдвижными ящиками, посередине – стеклянный овальный стол на квадратных металлических ножках и стулья, с ажурными сверкающими металлическим спинками, с мягкими сиденьями, а в дальнем углу двухметровый холодильник и множество другой кухонной мебели.

Фил, причмокивая, намазывал джем на кусочек белого хлеба, на столе стояли корзинка с хлебом, вареные яйца и сосиски в тарелочке, две банки с джемом, а поодаль на тумбе электрический кофейник.

– Привет, тихо вымолвил Никита, он не стал занимать место за столом, мне нужно срочно что-то с паспортом придумать, а то со справкой об освобождении далеко не уделишь.

– Твой паспорт готов, забыл тебе вчера отдать, поэтому оставил на тумбочке в прихожей.

Парень повернулся, хотел пойти в прихожую, но Платонов протянул паспорт. Никита раскрыл документ, посмотрел на свою фотографию, пробежал по раскрытой странице глазами: "Григорьев Никита Сергеевич".

– Мне срочно нужен другой паспорт!

– Для заграничных поездок? – Удивился американец.

– Аркадий Васильевич предполагал, что мои враги меня не оставят без опеки, – парень замолчал, вспоминая старика, – С этого момента я Аркадий Аркадьевич Дедовских, ты сможешь сделать паспорт на это имя, чтобы этот документ смог пройти все возможные проверки?

– Сегодня в России за деньги можно сделать все, – Фил потер ладони, стряхивая крошки, – максимум через неделю получишь нужный тебе паспорт.

Спустя полчаса, Фил отправился выполнять задание Никиты, удивительно, но паспорт был изготовлен в течении нескольких дней, все это время Никита с Григорием Никифоровичем проводили в квартире за телевизором.

В эти дни американец куда-то уезжал с раннего утра, рассказывая вечером об инвестировании средств, полученных от фонда, в металлургию и нефтегазовый сектор. Вечером третьего дня Райли передал парню новый паспорт, с этого момента Никита Сергеевич Григорьев превратился в Аркадия Аркадьевича Дедовских. Старый паспорт американец для сохранности запер в сейф своей квартиры.

– Фил, сколько тебе нужно времени, чтобы завершить операции с финансами? – Потребовал ответа Аркадий.

– Через пару дней я могу совершать необходимые мне транзакции дистанционно, – среагировал Райли.

– Наступило время разделаться с теми, кто сломал мне жизнь и убил Ларису, – Аркадий тяжело задышал, – ты отправляешься в Старогорск, съезди в Тарск, скупай перспективные предприятия, объекты недвижимости, зарегистрируй компанию, подбирай надежных людей и параллельно, собирай информацию о Горелом и Савельеве.

– Хорошо я все выполню, компанию регистрировать не нужно, так как месяц назад я приобрел контрольный пакет мощной московской строительной корпорации Тета Девелопмент, – Фил горделиво поднял голову, но спохватился, – чем собираешься сам заняться?

– Я с Григорием Никифоровичем отправляюсь в Благовещенск, – лицо Аркадия выражало уверенную решительность, – необходимо вступить в наследство, что оставил мне названный отец. На душе есть ощущение тревоги, возможно, придется столкнуться с чем-то или с кем-то, объяснить этого я не могу, но, надеюсь на дружескую помощь Григория Никифоровича.

Дедовских разделил свои силы, если за американца он был абсолютно спокоен, то с чем придется столкнуться в Благовещенске даже предположить не мог, единственно, он понимал, что придется найти Данга, поставленного Дедом контролировать прииски, выдержать перед ним испытание.

ГЛАВА 2. ИСПЫТАНИЕ ЗОЛОТОМ

*“Шанс выпадает очень редко, но ты
должен быть готов к нему всегда.
Когда с неба польется золото, у тебя
должно быть ведро, а не наперсток.”
Уоррен Баффет*

Перелет в Благовещенск оказался тяжелым, но на удивление Аркадия, Платонов, проспавший большую часть полета, выглядел свежим и отдохнувшим. Таксист, разговорчивый и энергичный мужик, что взялся довести до гостиницы, по ходу движения жестикулировал, бросал руль, и даже спокойный Угрюмый, настойчиво требовал взяться водителю за руль. После короткого отдыха, утром мужчины отправились на поиски машины, но оказалось, что в Амурской области автомобиль проще купить, чем арендовать, поэтому на авторынке Аркадий приобрел подержанный Nissan Terrano и оформил на Платонова.

– Владей, Григорий Никифорович, – Аркадий передал ключи другу, – теперь нам нужно доехать до Белогорска и найти Данга, как ты понимаешь, я в этих краях никогда не был.

– Очень давно, в начале моей карьеры геолога, нашу экспедицию направили в Амурскую область, – Платонова задумался, – разведывать нам нужно было не золото, почему-то, начальство решило там искать вольфрам, но экспедицию быстро свернули, года растворили детали моего пребывания в Белогорске, помню только трактир Амурский край.

Мужчины отъехали от гостиницы, попетляли в водовороте улиц, заметив АЗС, Платонов притормозил, заправил полный бак и про запас две двадцатилитровые канистры, чтобы не искать заправки. Он взял направление на север, сверившись с картой. Аркадий молчал, раздумывая над словами воспоминаний Платонова, в одной из последних бесед перед своей конечной смотрящий тоже упоминал трактир Амурский край.

– Аркадий, – усмехнулся Угрюмый, – никак не привыкну к твоему новому имени, – ехать придется долго, по карте расстояние более ста километров пути.

– Я не особо разбирался, но предполагал, что маршрут будет более долгий.

– Местность в основном с ровным рельефом, но дорога узкая и сильно убитая, так что не особо разгонишься, – Платонов посмотрел на напарника и вновь сконцентрировался на дороге.

По прибытии в Белогорск, Платонову не удалось самостоятельно найти нужное злачное место, оказалось, отдельно стоящее здание трактира давно снесли, а вся публика, посещавшая ранее трактир, переместилась в кафе Азия, расположенное в убогом сером двухэтажном здании. Заведение оказалось полупустым. Аркадий оставил Платонова в машине, прошел на пяточок от входа, осмотрелся по сторонам, кафе было разделено на несколько зон, вдоль стеклянного витража были расставлены угловые диваны, образующие уютные приватные уголки, в основной зоне расставлены темные столики в окружении четырех стульев, окрашенных в черный цвет с белой мягкой обивкой.

У дальней стены небольшой танцпол, а напротив входа Аркадий увидел барную стойку с пустыми высокими барными табуретами. Аркадий забрался на пирамидальный жесткий табурет, обитый ярко красной экокожей, бармен появился, словно из воздуха, с дежурной фразой: "Что будете пить? "

Заказав кофе с коньяком, что было мгновенно исполнено, но коньяк бармен подал в широкой рюмке. Аркадий вылил половину коньяка в чашку кофе, вдохновленный ароматом,

исходящим от чашки, он отпил горячий пьянящий напиток, а потом не заметил, как чашка наполовину опустела.

– Приятель, подскажи, – решил задать вопрос Аркадий, – как мне найти Данга?

Бармен испуганно моргал и почему-то не мог произнести ни слова. В спину Аркадия уперлось что-то округлое и холодное.

– Кто посмел искать великого Данга, – раздался голос за спиной, – как меня достали боевики этого ублюдка Савельева.

Данг оказался высоким полноватым мужчиной с широким лицом, с выражением неприкрытой злобы. Фамилия мэра Тарска отца Александра, бывшего друга, резанула слух посетителя кафе, чтобы разрядить злобную интонацию вьетнамца, Аркадий рассмеялся на слово великий.

– Дед говорил, что ты, Данг, смелый и преданный человек, но гордыни среди твоих качеств он не называл, – повернулся Аркадий лицом к вьетнамцу, продолжая смеяться, левую руку он держал в кармане джинсов.

– Кто ты, сопливый наглец, – обескураженно выговорил Вьетнамец, опуская ствол.

– Меня зовут Аркадий Аркадьевич Дедовских, – Голос посетителя кафе был спокойным. – Я сын человека, кто поставил тебя надзирать за приисками.

– Так я и поверил, – Данг убрал ствол в наплечную кобуру. – Думаешь, поверю первому пацану, пришедшему с улицы?

На улице раздался крик и какой-то шум, трое подручных втащили в кафе сопротивляющегося Платонова.

– Данг, – Выкрикнул один из подручных вьетнамца, – возле нашего кафе мы обнаружили странного типа.

– Данг, прокричал парень, вытаскивая левую руку из кармана, – этот перстень мне передал отец, – Аркадий продемонстрировал левую кисть руки с перстнем на большом пальце. – Узнаешь этот вензель? Может, присядем за стол и ты, как гостеприимный хозяин, угостишь меня и моего друга.

Данг подошел вплотную, взял ладонь посетителя и минуту разглядывал перстень, приказал своим подручным освободить Платонова, жестом предложил пройти к столу. Откуда-то прибежала официантка и через несколько минут сервировала стол, а бармен принес три кружки пива.

– Что же, Аркадий, – угощайся, – подмигнул Платонову, – на один шаг мы стали ближе к нашей дружбе.

Аркадий пододвинул к себе несколько салфеток, вытащил из кармана нож, молча разрезал внутреннюю сторону правой ладони, измазал перстень в своей крови и сделал его оттиск на одной из салфеток. Данг не выражал никаких эмоций, а молча взирал на происходящее. Парень вытащил зубочистку, макнул в рану и ловко прочертил несколько линий на салфетке с оттиском.

– Ты продолжаешь меня удивлять, – Данг взял салфетку и посмотрел на образовавшийся рисунок лица девушки, – Мы почти друзья, – вьетнамец смял и бросил грязную салфетку в сторону, что-то выкрикнул.

На крик снова прибежала официантка, заметив салфетки в крови, убежала и вернулась с аптечкой и рюмкой водки. Девушка спокойно обработала рану, забинтовала ладонь и умчалась восвояси. Судя по тому, как ловко, без страха и буднично действовала девушка, Аркадий предположил, что драки и ножевые раны для нее дело привычное. Данг спокойно и молча пил пиво, ел копченую рыбу.

– Отдохни два-три дня пока твоя царапина заживет, – Вьетнамец махнул подручным, что расположились за столом поодаль, один из них подошел и внимательно выслушал неразборчивой шепот. – О вашем ночлеге я распорядился.

Два дня Дедовских и Платонов находились в большом кирпичном доме, окруженном забором из профильного металла, покидать окрестности двора Данг настоятельно не советовал. Наличие двух вооруженных людей позволяло сделать вывод, что гостей удерживают силой, но заточение с приездом Данга закончилось, да и царапина на руке зажила.

– Что будем делать дальше? – Потребовал ответа Аркадий.

– Это ты, парень, должен сказать, – Данг, не моргая, уставился на гостя. – Ты среди нас наследничек.

– Отец рассказал, что после продемонстрированного, ты отвезешь на заброшенный коллектор.

Данг обрадовано, поднялся, словно ожидал этой фразы лет сто. Аркадий заметил, что за управление приисками, за полученный доход за последние годы, с этого момента Данг должен держать ответ перед ним, эти слова вызвали гнев у Вьетнама.

– Я исполню свой долг перед памятью Деда, – мужчина недовольно засопел, – но вначале ты пройдешь третью часть теста.

Два черных Land Cruiser взяли в клещи Nissan Terrano Дедовских и Платонова, в такой последовательности добрались до старого заброшенного водоканала. Проезжая по заброшенной территории, среди ржавого искореженного металла, обрезков труб и гор строительного мусора, машины добрались до небольшого огороженного участка земли со старым полуразрушенным ангаром и множеством торчащих, как памятники прошлой эпохи, труб.

Машины остановились на просторной бетонной площадке, с проросшей местами травой.

– Время исполнить обещанное, – предложил Данг.

Аркадий огляделся по сторонам, ландшафт, напоминающий постапокалиптическую эпоху, слабо был похож на схему старого вора. Заметив с края полуразрушенного ангара, металлическую лестницу, парень ловко поднялся на крышу, ему достаточно было бегло взглянуть на окрестности, как схема из памяти связалась с окружающими предметами.

– Мне нужно попасть в трубу, – сообщил Аркадий, спустившись с крыши Ангара, и указал на нужную трубу рукой.

Парень подошел к выбранной трубе и постучал по ней, легкого звона никто не расслышал, труба была заполнена водой и вздымалась над землей на три-четыре метра. Аркадий потоптался по траве, попинал сухие ветки и камни, оказавшиеся возле колодца, попрыгал на крышке.

– Нужно лезть, – предположил Вьетнамец и протянул маску для подводного плавания, – с аквалангом в эту трубу не пролезть, а люк этот можно открыть только изнутри. Как-то один умник, предложил взорвать колодец, но ниже уровня старого русла реки, тогда мы бы все потеряли, а золота там спрятано за двадцать лет упорной работы, что мы смогли скрыть от Советской власти.

Аркадий сбросил на капот машины куртку, разуваться не стал и шагнул на ступеньку трубы, изготовленную из арматуры. Один из подручных Данга привязал к поясу парня веревку, и названный сын полез за золотым запасом старого вора. Оказавшись наверху, Аркадий перебросил ноги в трубу, надел на лицо маску, включил на ней фонарь, глубоко вздохнул и, держась за внутренние скобы, медленно погрузился в воду.

Аркадий не обращал внимание на прохладную воду, труба была тесной, превозмогая жутковатые ощущения, решил быстро преодолеть трубу, чтобы поскорее оказаться в подземном коллекторе. Аркадий подумал, что акваланг можно было бы взять на веревке, но узел перехода в коллектор был заделан решеткой и развернуться с подводным аппаратом дыхания в коллекторе нет шансов.

Старый коллектор представлял бетонную трубу, немногим большего диаметра, чем металлическая. Аркадий потихоньку стравливал из легких воздух, до определенного момента страха не было, но, когда заброшенный коллектор неожиданно закончился металлической кон-

струкцией, он выпустил слишком много драгоценного воздуха и запаниковал. Парень, поддавшийся панике, попытался успокоить себя, но вдруг фонарь в маске погас.

Аркадий стукнул рукой несколько раз по маске, фонарь не загорался, он стянул с себя маску, пощелкал переключатель, постучал несколько раз ей по трубе коллектора, в этот миг он ощутил первые признаки удушья, но чудо – фонарь маски загорелся. Аркадий натянул маску на лоб, стал быстро крутить головой в поисках вентиля, окрашенного синей краской. Легкие уже жгло огнем, но он терпел, выпуская микроскопическую порцию пузырей.

Нужно сосредоточиться, приказал он себе, разглядел слева сверху красный вентиль, а этот вообще не окрашен, парень оттолкнулся от черного проржавевшего вентиля, ударился о синий и стал лихорадочно его откручивать, наконец-то почувствовал, что вода пришла в движение, рядом с металлической конструкцией все шире раздвинулись шторки слива и вода с напором стала покидать заброшенный коллектор. Прошло полторы минуты и голова пловца оказалась над водой, он судорожно с кашлем пытался дышать, пока не почувствовал, что легкие очистились от углекислого газа.

Аркадий надавил нужную комбинацию на большие числовые клавиши запора металлической конструкции, но они плохо поддавались. На дне коллектора валялись два небольших обрезка дюймовой трубы, он вставил один обрезок на клавишу и, как молотком ударил другой, в коллекторе с эхом щелкнул первый запор. Дальше Аркадий действовал аналогично, он раздвинул двери огромного контейнера, что раньше принял за странную металлоконструкцию и долго разглядывал деревянные ящики с золотом, заполнявшие все внушительное пространство, а после перешел к колодцу и взялся руками за металлическое кольцо колодца и стал крутить, освобождая заслонку от запоров, Он постучал по крышке колодца, попробовал ее приподнять, еще несколько усилий и крышку колодца откинули подручные вьетнамца.

Выбраться из заброшенного коллектора через горловину, освобожденного от запоров колодца, Аркадию помогли люди Данга, они опустили лестницу в колодец, приготовили лебедку и с ее помощью стали извлекать ящики с золотом. Аркадий сидел на пожухшей траве, глубоко дышал чистым воздухом, прочищая легкие от смрада коллектора, наблюдал, как на бетонной площадке увеличивалось количество ящиков, устанавливаемых на паллеты.

Подчиняясь приказу Данга, из ангара выехали два бортовых КАМАЗа и два погрузчика. Данг, довольный, тем, что работа идет быстро и слаженно, присел на какой-то раздавленный ящик рядом с парнем.

– Ты доказал, что являешься настоящим сыном Аркадия Васильевича Дедовских, но я его всю жизнь называл по кличке Дед. Я скорблю, что его нет, он был сильным и правильным человеком. – Вьетнамец замолчал, опустив голову, – Аркадий, старый Данг будет верно тебе служить, как я преданно работал на Деда.

Данг сообщил, что в ближайшее время золото уйдет в Китай, и оно будет размещено в надежных банковских хранилищах, а что делать с этим золотом дальше, было решено обсудить позднее.

– Кто такой этот Григорий Никифорович, кого ты привез с собой в наши края? – В интонации Данга читался интерес к другу Аркадия.

– Платонов опытный геолог, – сообщил парень, – отец сказал, что такой надежный профессионал, может пригодится на приисках.

– Я уже привык к сюрпризам от тебя, – Данг рассмеялся, – теперь я понял о какой находке для нашего бизнеса в своей последней весточке с зоны сообщал Дед. – Какие у тебя планы на наш регион?

– По крайней мере, месяц я собираюсь пробыть здесь! – В вопросе вьетнамца, парень почувствовал тревожные нотки. – После я должен вернуться в Старогорскую область, нужно закончить дело, начавшееся почти пятнадцать лет назад.

– С распадом союза советских республик, интерес к нашим приискам возрос, но мы успешно отбивались от нападков различных группировок, жаждущих золота. – Данг сплюнул на засохшую траву, выражая свое недовольство, но пять лет назад мы потеряли один наш важный прииск.

Пять лет назад в регион прибыл банкир Савельев, в советское время бывший мэром какого-то маленького городка. Он со своими боевиками, громили артели, убивали старателей, силой оружия захватили прииск, управляемый Дангом, а его разработку начал обычным старателем Дед, много лет назад. Старый вьетнамец недавно захватил территорию золотодобычи, он мечтал доказать к выходу на свободу Деду, что успешно управлял, переданными ему в управление месторождениями. После сообщений о смерти старого друга, Данг уже не был уверен, что сможет отбиться от боевиков Савельева, прибывших в город для проведения акции по возвращению собственности своего хозяина.

Фамилия Савельев острой болью резанула в висок Аркадия, он прижал ладонь, пытаясь заглушить боль и накотившие воспоминания. Данг обеспокоенно взглянул на сына своего старого друга и предположил, что приступ головной боли, вызван гипоксией от ныряния в заброшенный коллектор. Погрузка ящиков золота подходила к завершению, Аркадий и Данг поднялись со своих мест. Аркадий сообщил Дангу об идее, как разобраться с боевиками Савельева и в решительности парня вьетнамец почувствовал уверенность и силу, как когда-то ощущал это в своем старом друге, сгинувшем на зоне.

На следующий день, пока Аркадий и Данг обсуждали, как быть с прииском и отрядом боевиков Савельева, Платонов с подручным вьетнамца, получившим кличку Квас из-за своей выразительной фамилии, отправились на прииск, что возле Леонтиевского ручья. Григорий Никифорович слышал ранее, как Данг сообщил о постепенном уменьшении уровня добычи золота, поэтому. Маршрут он выбрал вдоль реки Томь, двигаясь к Леонтиевскому ручью, где внимательно осматривал местность, предыдущие выработки. Платонов долго бродил по окрестностям прииска, перемещался к истоку ручья, внимательно исследовал породу, пока его сопровождающий Квас спал в сарае охраны.

Через несколько часов, свистнув подручному Данга, собрался покинуть исследуемые окрестности, направляя машину обратно на дорогу, ведущую в город, но свернул перед селом Перышево и заехал по проселку на холм, поросший травой и низким кустарником.

– Квас, что находится возле дальнего лесного массива, – Платонов указал интересующей его направление, разглядывая окрестности в бинокль.

– Лет двадцать назад на том месте, что ты показываешь, был овраг с пересыхающим источником, – мужчина запыхтел, он уже давно хотел вернуться в город на базу Данга. – Помню, что приезжали геологи, исследовали эту местность, но ничего не нашли. Прошло время, речушка пересохла, а отвесные стены оврага осыпались.

Больше часа внедорожник Платонова пробирался по пересеченной местности, пока не заехал в овраг. Геолог, прихватил с собой лопату и спустился по высохшему руслу вниз, прошел к крутой каменной осыпи и воткнул лопату рядом в землю, скovyрнув верхний слой, добрался за несколько ударов, до мелких влажных камней.

– Ручей не пересох, а ушел под землю, – то ли для себя, то ли для сопровождающего произнес Григорий Никифорович. – Эй, Квас, притащи ведро и канистру с водой, жаль, что ничего из инструментов старателя с собой не захватил.

Платонов промыл камни и передал два маленьких самородка сопровождающему. Геолог еще раз четыре вспарывал лопатой грунт в нескольких местах, удаленных друг от друга на расстоянии в двести – триста метров, и после нетщательной промывки грунта, везде находил

самородное золото. Изыскания Платонова, сопровождающему казалось увлекательной необъяснимой магией, сон давно оставил Кваса, поэтому он упорно следовал за геологом от одной точки до другой.

По возвращению на городскую базу Данга, Квас выскочил из машины и бегом помчался сообщать вьетнамцу детали поездки.

– Данг, – проорал мужчина, забегая в комнату, где за столом, заваленном бумагами, сидели Данг и Аркадий, – этот Платонов настоящий экстрасенс, он нашел золото там, где его нет.

– Помолчи, Квас! – Вьетнамец поморщился от криков и повернулся к входящему Платонову.

– Прииск на Леонтиевском ручье почти выработан, – сообщил геолог, ожидавшим от него известия, – для получения точной оценки оставшихся объемов добычи необходимы лабораторные исследования, но ориентировочно могу сказать, что через десять-двенадцать месяцев объем добычи от текущих сократится на 75-80 процентов.

– Данг, может быть отказаться от войны с Савельевым и отдать этот прииск без боя? – Предложил Аркадий.

Старый вьетнамец стал пунцовым, его взволновало не предложение Аркадия, а сообщение геолога, поэтому злость Данга была направлена на самого себя, он переживал, что возможно утратил свое природное чутье и позволил толкнуть своих людей в столкновение с Савельевым, обладавшим не только огромными средствами, но через подкупленных чиновников, широкими административными возможностями.

– Данг, Аркадий неправильно оценил состояние управляющего по выработке Леонтиевского прииска, – я давно знаю Платонова, у меня ощущение, что он еще что-то хочет сообщить.

– У вас есть карта окружающей местности? – Спросил геолог.

Когда Данг вытащил из шкафа сложенную карту и развернул ее, то Григорий Никифорович внимательно всмотрелся в карту, взял карандаш и поставил восклицательный знак возле оврага.

– Квас, где найденное золото? – Потребовал вьетнамец, мгновенно оценил молчание геолога.

Подручный вьетнамца вытащил из кармана носовой платок и высыпал на карту самородки, найденные Платоновым.

– Как ты оцениваешь объемы золотодобычи в этом месте? – Потребовал у Платонова Аркадий.

– Весьма существенные!

– Наша проблема в том, что этот участок уже пять лет, как передан Савельеву по решению министерства природных ресурсов Амурской области. – Данг заразительно рассмеялся, но заметив, как у присутствующих втянулись лица, объяснил. – Савельев отправлял сюда трех московских геологов, а когда те ничего не нашли, то утратил интерес к этой местности.

– Предлагаю сообщить Савельеву, – настала очередь Аркадия улыбнуться, что мы без борьбы отказываемся от Леонтиевского прииска, при условии передачи нам этого участка, – он пальцами постучал по карте, для добычи щебня для дорожно-строительных работ.

Мужчины долго обсуждали, как лучше передать Савельеву идею Аркадия, но вьетнамец настоял, что прибывших боевиков все равно нужно наказать, так как в их прошлых акциях пострадали старатели, работающие на Данга.

Вечером прошлого дня вьетнамец направился в поселок Назаровский, в надежде найти фермера Виктора Луканова, но оказалось, что пожары, бушующие в прошлом году, уничтожили сельхозпредприятие, с трудом выживавшее на протяжении нескольких лет. Луканов, понимая, что уже не подняться, бросил фермерство, переехал в Белогорск и с полгода трудился обычным охранником в одном из местных частных охранных предприятий. Луканова Данг

застал на съемной квартире, где бывший фермер проживал вместе с семьей, собирающегося на ночную вахту.

– Не дело так бедно жить подполковнику ГРУ, – прошедшему многие горячие точки, – заметил Данг, осматривая убогое жилище.

– Ты меня не стыди, – озлобленно произнес Луканов, – в скотское время живем, чиновники и олигархи спелись и воруют, а народ выживает. Не тебе делать выводы о моем скудном быте. Я честно служил государству, а теперь никому не нужен. Создал ферму, сельчане обрадовались, мы три года упорно трудились, но все уничтожил огонь.

– Ты нужен нам, местным жителям. Мы старатели, моем золото уже тридцать лет. – Данг выговаривать фразы четко, чтобы в голосе тоже чувствовалось недовольство. – Последние годы московские олигархи с помощью своих боевиков захватывают наши земли, убивают старателей. – Данг недовольно потряс головой. – Нам нужна твоя помощь.

К удивлению, Данга Луканова не пришлось уговаривать, так как тот клеймил себя за невозможность обеспечить приемлемый достаток своей семье. Слова о боевиках олигарха, пробудили прошлый боевой опыт отставного спецназовца, то, что он глубоко загонял в себя, пытаясь забыть. С самого раннего утра подполковник поставил себе задачу, мотался по окрестностям Белогорска, в поисках лучшего места для назначения встречи боевикам Савельева. Данг вернулся еще до рассвета и после бессонной ночи он с нетерпением дождался пробуждения Аркадия.

– Твоя идея выбивать клин клином, как, говорят русские, мне понравилась, – заявил Данг отошедшему от сна Аркадию.

– Похоже, что твое ночное похождение дало результат, – определил парень по горделивому, но сонному виду управляющего.

– Мы с Дедом многие годы делали ставку на людей своего окружения, отморожков, уголовников и бывших зеков, – Данг зевнул и прикрыл рот рукой, – но ты другой и время сейчас другое, поэтому, если государство выкинуло разных спецов, поставило их на грань, то нам нужно таких людей найти и убедить работать на нас.

– Чувствую, что ты уже кого-то нашел? – Аркадий включил кофеварку и бокал наполнился ароматным напитком.

– Я пригласил Виктора Луканова, отставного подполковника спецназа ГРУ, помочь нам разобраться с боевиками Савельева, а потом реформировать охрану приисков.

– Данг, это хорошая новость, – обрадованно воскликнул Аркадий, – я не смог вчера конкретизировать свою идею, но тебе это удалось. Как только решим вопрос с боевиками, то нужно не только реформировать охрану, а создавать свою собственную службу безопасности нашей компании Недра. Где встречаемся с твоим отставным военным?

– Луканов подъедет в нашу контору к часу дня, – Данг снова зевнул, – пока есть еще время, подремлю пару часов.

Когда Данг и Аркадий прибыли в контору компании Недра, то подполковник Луканов уже ожидал их. Виктор не любил долгих бесцельных посиделок и прохаживался по коридору. Рассматривая вышагивающего на встречу невысокого жилистого мужчину с сидящими короткими волосами, Аркадий сразу понял, что это и есть подполковник Луканов, жесткий взгляд, плотное телосложение, позволили Аркадию сделать сравнение со стальным негибачим прутком.

Мужчины прошли в одну из свободных комнат конторы, расселись вокруг стола, с развернутой на нем картой окрестностей Белогорска. Луканов четко изложил свой план встречи боевиков в лесном массиве, в семи километрах в северо-западном направлении от села Перышево. В нижней части лесного массива расположена поляна с небольшим уклоном в сторону села.

– Встречу боевикам предлагаю устроить на поляне Перышевского леса, – предложил Луканов и указал выбранное место на карте. Также хотелось бы быть уверенным, что они согласятся на наши условия.

– Наши люди – охрана и старатели покинули прииск на Леонтиевском ручье, – Данг тяжело вздохнул, – Савельев не тот человек, кто спускает обиды, я уверен, что Бойцы получили задание не только захватить прииск, но и наказать наших людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.